

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Культура и быт народов стран Тихого и Индийского океанов, «Сборник МАЭ», т. 23, М.—Л., 1966, 268 стр., илл.

Один из старейших музеев нашей страны — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР (бывшая Кунсткамера) — располагает богатыми коллекциями предметов культуры и быта всех народов мира, в том числе и народов Восточной и Южной Азии, Австралии и Океании. Интерес к этим коллекциям, многие из которых являются уникальными, все больше возрастает среди научной общественности как в Советском Союзе, так и за рубежом. Примером может служить тот неоспоримый успех, который вызвал на XI Тихоокеанском научном конгрессе в Токио (1966 г.) зачитанный доклад Р. Г. Ляпуновой, Ю. В. Ионовой, Ю. В. Маретина и Л. Г. Розиной об этнографических коллекциях МАЭ по народам Тихоокеанского бассейна¹.

Начиная с 1900 г., МАЭ для популяризации своих коллекций систематически издает специальные сборники. В 1966 г., после некоторого перерыва, вышел в свет 23-й том «Сборника МАЭ» — «Культура и быт народов стран Тихого и Индийского океанов» (отв. редактор Р. Ф. Итс). Этот том, как явствует из его подзаголовка, является, в отличие от предыдущих изданий, тематическим и впервые целиком посвящен определенному региону земного шара. Ознакомление с содержанием статей сборника показывает, что подобное объединение тематики не носит искусственного характера и что, напротив, материалы рецензируемого издания наглядно выявляют то общее, что позволяет включить народы этого обширного ареала в одну историко-культурную область.

Открывает сборник небольшая по объему, но очень интересная и содержательная статья В. С. Старикова, посвященная описанию маньчжурской разновидности дальневосточного плуга. Автор основывается на материалах, имеющихся в собрании Китайского отдела МАЭ, а также привлекает литературные сведения о сельскохозяйственных орудиях Китая. Давая подробное описание этого вида плуга, В. С. Стариков не ограничивается простой классификацией и определением его места среди сельскохозяйственных орудий подобного типа. Проанализированный материал позволяет автору сделать вывод о генезисе этой разновидности плуга от более простых пахотных орудий юго-восточной Монголии эпохи неолита и бронзы, а также опровергает мнение, существующее в буржуазной науке, о застойности в развитии орудий труда в Азии.

Хозяйству и материальной культуре народа тайхэй (ДРВ) посвящена статья А. И. Мухлинова. Этнографическое изучение тайхэй, живущих в труднодоступных районах провинции Нгеан, началось в ДРВ сравнительно недавно. Автор убедительно показывает, как тайхэй, занимавшиеся некогда поливным земледелием и ремеслами, утратили под влиянием французской колониальной политики эти навыки и являются теперь одной из наиболее хозяйственно отсталых этнических групп. Значительный раздел статьи отведен характеристике сложившегося у тайхэй своеобразного способа подсечно-огневого земледелия, а также мероприятиям правительства ДРВ по улучшению агротехники и сельскохозяйственных орудий тайхэй. Автор отмечает и специфику проводящейся у тайхэй кооперации сельскохозяйственного труда. Рисуя картину материального быта тайхэй, автор использует оригинальные данные своих полевых исследований, находящиеся теперь в фондах МАЭ. А. И. Мухлинов останавливается и на некоторых аспектах духовной культуры, верованиях. К сожалению, этот материал дается зачастую лишь иллюстративно, без всякого анализа (например, описание обряда жертвоприношения при строительстве дома, стр. 23). В заключении статьи делается вывод о несомненной близости тайхэй к горным мон-кхмерам Северного Индокитая — кхму Лаоса и са Вьетнама. Наличие горномонской основы тайхэй подтверждается и данными лингвистической анкеты, составленной автором во время пребывания в ДРВ, и последними работами вьетнамских исследователей.

Следующие две статьи сборника в известной мере восполняют пробел в изучении тайских народов, существующий в советской этнографической литературе. Большая статья Е. В. Ивановой содержит тщательный анализ всех аспектов хозяйства и материальной культуры двух основных тайских народов Таиланда — кхонтаи и лао. Базируясь на материалах коллекций МАЭ и в большей степени на исследованиях зарубежных авторов, Е. В. Иванова сумела выделить специфические черты, сложившиеся в материальном быту тай разных районов и обусловленные географическими факторами (различие природных условий, изоляция и т. д.).

Очерк одежды тайских народов Китая дан в работе А. М. Решетова. Используя коллекцию тайской одежды МАЭ, литературные сведения и материалы своих полевых исследований, автор не ограничивается простым описанием, а делает выводы о древней общности тайских народов. Признавая фактор внешнего культурно-истори-

¹ R. G. Lyapunova, Yu. V. Ionova, Yu. V. Maretin, L. G. Rosina. The ethnographic collections on the Pacific peoples in the Museum of anthropology and ethnography, Moscow, 1966.

ческого влияния на формирование мужской и женской одежды у тайских народов, А. М. Решетов развивает высказанную ранее Г. Г. Стратановичем² мысль об эволюции мужской одежды у тай (в частности, от сампонга или панунга к зашитым штанам).

Статья Ю. В. Маретина и В. Г. Трисман о рыболовстве в Индонезии является всесторонним монографическим исследованием данного вопроса. Подчеркивая огромную важность этого вида хозяйства для народов Индонезии, авторы останавливаются и вообще на проблеме использования рыбных богатств Тихого и Индийского океанов. Подробно описаны в статье индонезийские способы и орудия рыбной ловли в море и внутренних водоемах, методы рыбоводства, приемы обработки рыбы и других продуктов моря, производственные отношения в рыболовецких общинах, современное состояние рыболовства в стране.

Статья Р. А. Ксенофонтовой «Японский фарфор и фаянс Кутани в коллекциях МАЭ» — первая в советском японоведении работа об изделиях Кутани. Она основана на хранящихся в МАЭ 80 подлинных образцах фаянса и фарфора Кутани XIX в. В статье охарактеризована работа трех мастеров (города Канадзава и уездов Эну-ма и Номи), на высоком профессиональном уровне дано описание предметов коллекции (вазы, туалетные флаконы, тарелки, тарелочки для сладостей, маленькие тарелочки, чашки для чая, чашечки для сакэ и др.). К сожалению, автор не затрагивает вопроса об этнографической ценности этой коллекции, хотя в статье содержится богатый материал для подобного вывода: это, прежде всего, касается самого состава коллекции, отражающего быт определенных кругов японского общества XIX в. Интересными этнографическими источниками являются также мотивы декора и сюжеты рисунков, украшающих изделия Кутани. В их подборе отразились художественно-эстетические вкусы японцев того времени. Кроме того, пейзажные композиции, мифологические, исторические и литературные сюжеты некоторых росписей служат прекрасным источником для изучения одного из важных аспектов духовной культуры японского народа — взаимодействия и взаимовлияния профессионального и народного искусств. Этот вопрос на примере других народов Восточной Азии привлекает в последнее время все большее внимание исследователей.

Другому виду японского прикладного искусства — миниатюрной скульптуре энцкэ — посвящена статья Ю. В. Ионовой, состоящая из двух разделов. В первом разделе рассматриваются общие вопросы изучения энцкэ; подробно охарактеризована роль энцкэ в быту японцев. Автор убедительно показывает, что даже когда энцкэ в конце XIX в. утратили свое значение как необходимая деталь костюма, они еще на многие десятилетия сохранили свою ценность как предметы художественного ремесла. Второй раздел представляет собой первую публикацию коллекции энцкэ МАЭ (всего в собрании 173 энцкэ). Ценность этой коллекции в том, что она содержит не только произведения известных мастеров XVII—XIX вв., но и изделия народных резчиков. Оригинальна гипотеза автора о связях между японскими энцкэ и резными изделиями северных народов — соседей японцев. Однако аргументация ее еще недостаточна. Поэтому вряд ли правомерен вывод о сходстве японских энцкэ с «миниатюрной скульптурой северных народов — алеутов и эскимосов» (стр. 221). В статье встречаются отдельные неточности в транскрипции китайских имен. Так, Дунфан Шо, один из восьми китайских бессмертных, ошибочно назван Тунг фан-со.

Статья Д. И. Тихонова о жилищах и типах сельских поселений Филиппин основана на литературных источниках и фотодокументах МАЭ. Это первая в нашей литературе попытка систематизировать имеющийся по данной теме материал. Автор рассматривает типы поселений и жилищ охотников и собирателей, горных народов, жителей равнин.

МАЭ является хранителем части уникальной коллекции Дж. Кука, подаренной русским властям на Камчатке в знак признательности за помощь, оказанную английским мореплавателям в мае 1779 г. С этой коллекцией знакомит читателей сборника статья Л. Г. Розиной.

Коллекция состоит в настоящее время из 38 предметов: 32 из них — полинезийский материал, представленный одеждой, украшениями, орудиями труда, оружием и бытовыми предметами, собранными на островах Гавайских, Тонга и Таити. Кроме того, в эту коллекцию входят 6 плащей индейцев североамериканского племени тлинкитов.

Описание предметов с Гавайских островов частично были опубликованы ранее³. Автор данной статьи, останавливаясь еще раз на описании редчайших перьевых изделий гавайских умельцев, дает нам возможность ознакомиться со всем собранием полностью.

Особое место в сборнике как по тематике, так и манере подачи материала занимает статья В. Р. Кабо «Мотив лабиринта в австралийском искусстве и проблема

² См. рецензию Г. Г. Стратановича на книгу Х. Х. Хансена, «Сов. этнография», 1963, № 2, стр. 180.

³ Ю. М. Лихтенберг, Гавайские коллекции в собраниях МАЭ, «Сборник МАЭ», т. XIX, 1960, стр. 168—205.

этногенеза австралийцев». Дав сначала описание 12 предметов из австралийской коллекции МАЭ (щит, фаллокрипты, чуринги, налобные украшения), автор обращает затем внимание на мотив лабиринта в орнаментике этих предметов. Изучив все известные автору варианты изображения данного мотива у современных австралийцев и их предков, сопоставляя его с аналогичным орнаментом палеолитических памятников других народов, автор склонен считать, что мотив лабиринта является одним из элементов древнейшей культуры, принесенной австралийцами с их прародины (стр. 265). Анализ мотива лабиринта и его распространенности у австралийцев позволяет автору сделать ряд важных этногенетических выводов. В. Р. Кабо убедительно показывает, что существование этого мотива в орнаментальном искусстве как жителей Восточной, так и Западной Австралии свидетельствует об очень древних связях между ними. Очень интересно мнение автора о том, что мотив лабиринта ассоциировался в прошлом у австралийцев с потусторонним миром, миром предков и был связан с обрядом, посвящения (стр. 262).

Успеху очередного «Сборника МАЭ» в немалой степени способствуют прекрасно выполненные цветные и графические таблицы (Т. Л. Юзепчук, К. Б. Серебровская), умело подобранные фотографии коллекций ([А. В. Маторин], Н. С. Кармазин).

В заключение надо отметить, что первый опыт тематического выпуска «Сборника МАЭ» оказался очень удачным. Пусть это плодотворное новшество станет неотъемлемой частью успешно продолжающейся традиции МАЭ — систематического издания ценнейших памятников культуры и быта народов мира.

Р. Ш. Джарылгасинова, И. М. Семашко

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Сборник «Бартоломе де Лас-Касас. К истории завоевания Америки». М., 1966. 227 стр.

В 1966 г. прогрессивное человечество отметило четырехсотлетие со дня смерти великого испанского гуманиста Бартоломе де Лас-Касаса, выдающегося борца против колониализма, против бесчеловечной системы порабощения и истребления туземцев Нового Света. Первым в Европе Лас-Касас поднял голос в защиту человеческих прав индийского населения Америки. Первым он потребовал ликвидации варварской системы гнета и эксплуатации, введенной в покоренной Америке колонизаторами. К облику благородного Лас-Касаса обращались Миранда, Боливар, Хосе Марти, Пабло Неруда, Диего Ривера. Естественно, можно только приветствовать появление сборника статей, посвященного памяти борца против колониального гнета.

Рецензируемая книга — дань уважения советских ученых памяти великого борца за свободу индейцев и негров. Сборник подготовлен сектором Америки Института этнографии АН СССР имени Н. Н. Миклухо-Маклая в содружестве с американистами других научных учреждений страны, а также при участии ученых Мексики и Кубы. Сборник вышел под редакцией И. Р. Григулевича, Р. В. Кинжалова, И. Ф. Хорошаевой.

Разнообразие статей сборника свидетельствует о широте диапазона интересов авторов. Серьезная заслуга книги — ее острая и серьезно аргументированная критика буржуазной историографии. Сборник открывает статья П. Н. Федосеева «Наша эпоха и Бартоломе де Лас-Касас», кратко и четко показывающая значение юбилея для мира наших дней. И. Р. Григулевич в статье «Бартоломе де Лас-Касас — обличитель колониализма» проследивает четырехвековой спор о гуманисте. Это спор не только и не столько о личности великого испанского борца против колониального гнета, это спор об оценке конкиссты. И. Р. Григулевич подвергает уничтожающей критике реакционных историков, исследовавших эпоху завоевания Америки, которые видели в Лас-Касасе в лучшем случае только экзальтированного христианского миссионера. Автор статьи аргументированно доказывает идейную близость Лас-Касаса и властителя дум эпохи — Эразма Роттердамского. Если средневековая церковь считала рабство богоданным институтом, то Лас-Касас решительно осуждал любое рабство и столь же страстно восставал и против рабства негров, и против порабощения индейцев. Облик Лас-Касаса — это образ борца и провидца, а не утописта и мечтателя, заключает автор.

С интересом читатель прочтет статью вице-президента Академии наук Кубы, Хулио Ле-Риверенда «Историческое значение деятельности Бартоломе де Лас-Касаса». Как верно отмечает кубинский историк-марксист, завоевание и колонизацию Нового Света нельзя изучать в отрыве от всемирно-исторического процесса — зарождения и укрепления капитализма в Европе. Конкиста была составной частью этого процесса. В завоеванной испанцами Америке боролись две формы эксплуатации — феодальная с ис-